

нических и унгарischen Romantismus der 1. Hälfte des 19. Jh. N. Zimomrja (Užgorod) verfolgte in ihrem Vortrage die gemeinsamen Züge im ungarischen und im ostslawischen Romantismus. Den Stoff der vergleichenden Abhandlung A. Aleksandrovs (Joškar-Ola) bildete die typologische Ähnlichkeit der Weltanschauung der hervorragenden Schriftsteller zweier Nachbarvölker — der Mari und der Tataren — der Aufklärer S. Cavajn und G. Tukaj. Im Mittelpunkt des Vortrages von A. Škljajev (Iževsk) standen die gemeinsamen Züge der gegenwärtigen Entwicklungsstufe der udmurtischen und der russischen Prosaliteratur (vor allem des Romans). Gemeinsame Züge in der Dramaturgie der Völker an der Wolga hieß das Thema des Vortrages von J. Cernov (Saransk). N. Bassels (Tallinn) Objekt der Betrachtung waren die gemeinsamen und unterschiedlichen Züge des sowjetestnischen Gegenwartromans, verglichen mit dem Romanschaffen der anderen Völker der UdSSR.

In der zweiten Gruppe der Vorträge wurden die Verbindungen hervorragender nationaler Schriftsteller mit der russischen Literatur untersucht. Z. Nemšilova (Syktyvkar) verfolgte die Beziehungen I. Kuratovs zu N. Nadeždin. Die Verbindungen desselben Schriftstellers zu den russischen revolutionären Demokraten behandelten A. Vanejev (Syktyvkar) und M. Ožegova (Perm). V. Latyševa (Syktyvkar) brachte in ihrem Vortrage interessante Tatsachen aus dem Leben und Schaffen des Schriftstellers der Komi K. Zakovs (1866—1926) und berichtete von seinen Beziehungen zur russischen Literatur und Wissenschaft. Es gab auch kürzere Überblicke über den Entwicklungsprozeß der literarischen Beziehungen von zwei oder mehr Brudervölkern, z. B. G.

Kubajevs (Joškar-Ola) Vortrag über die Entwicklungsgeschichte der estnisch-marischen literarischen und kulturellen Beziehungen. A. Mišin (Petrozavodsk) behandelte die Übersetzung finnischer Gedichte ins Russische, wobei interessante übersetzungstheoretische Probleme angeschnitten wurden.

In den Vorträgen der dritten Gruppe wurden folgende Themen behandelt: Widerspiegelungen der karelischen Folklore im Schaffen russischer Dichter (N. Kriničnaja, Petrozavodsk); Beziehungen zwischen der Folklore und der Literatur der finnisch-ugrischen und der Turkvölker im Wolgabereich (A. Nigmatullin, Ufa); Beziehungen zwischen der udmurtisch-tatarischen Volksdichtung (D. Jašin, Iževsk).

In den Vorträgen der vierten Gruppe gab es folgende Thematik: Widerspiegelungen der Revolution in Ungarn 1919 in der marischen Literatur und Publizistik (K. Vasin, Joškar-Ola); Widerspiegelungen der russischen Literatur im Schaffen von Mór Jókai (G. Gerasimova, Kiew); Behandlung der udmurtischen Literaturgeschichte in der ungarischen Literaturwissenschaft (A. Uvarov, Užgorod); V. I. Lenins Gestalt in der ungarischen Literatur (J. Gortvay, Užgorod); Übersetzung und Widerspiegelung der sowjetischen Leniniana in Ungarn (V. Turjanica, Užgorod); Widerspiegelung des Themas «Ungarn» in der Literatur der Sowjetukraine (V. Pap, Užgorod). Die Aufmerksamkeit der Užgoroder Literaturwissenschaftler konzentrierte sich verständlicherweise auf die gegenseitigen Beziehungen und Einflüsse der ukrainischen und ungarischen Literatur der Gegenwart.

AIME KAHRİK, NAFTOLI BASSEL
(Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.2.13>

СИМПОЗИУМ ПО ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ХЕЛЬСИНКИ

5—11 сентября 1977 года в Хельсинки состоялся III симпозиум по прибалтийско-финской филологии. Из Советского Союза на симпозиум приехали 26 человек (из Таллина, Тарту, Петрозаводска и Москвы), они представили 21 доклад. Всего

было заслушано 50 докладов: по лингвистике — 30, по фольклору — 13 и по литературоведению — 7. Данный обзор кратко знакомит с лингвистическими докладами. Симпозиум открыл академик Лаури Пости.

По решению организаторов работа симпозиума началась докладом Тийта-Рейна Вийтсо (Тарту) «История прибалтийско-финского *õ* первого слога». Докладчик отметил, что *õ* в прибалтийско-финских языках обладает хорошими классификационными свойствами. Исходя из этого, он связал анализ развития *õ* с поисками новых решений вопроса о взаимосвязях прибалтийско-финских племенных групп. Дополненный вариант доклада опубликован в настоящем номере СФУ. Отметим лишь, что обстоятельный и содержательный доклад вполне подходил для открытия симпозиума.

Вторым получил слово Аймо Турунен (Хельсинки), который говорил о взаимосвязях вепского и карельского языков, а также о связях людиковского и ливвиковского диалектов с языком-источником и языком-субстратом. Межъязыковые отношения рассматривались и в докладе Сеппо Сухонена (Хельсинки) об общей лексике куусалуского говора эстонского языка и финского языка. Лексика куусалуского говора имеет много общего с лексикой финского языка, например: *potkukelk* 'финские сани', *puseru* 'штормовка', *sähkö* 'карманный фонарь', *taugema* 'истомиться', *hudigas olema* 'быть пьяным' и т. д. Возможности формирования такой общей лексики С. Сухонен видит в заимствовании и в сохраняющемся влиянии финского языка. Последнее, однако, касается прежде всего некоторых фонетических и морфологических явлений.

В докладе Валмена Халлапа (Таллин) «Проблемы изучения сверхсегментных явлений эстонского языка» были представлены результаты обработки тестов восприятия, относящихся к критическим моментам эстонской просодии. В. Халлапа (как и других эстонских исследователей просодии) в настоящее время интересуют «микроструктуры» просодической системы, однако в поисках способов их описания он предпочитает (в отличие от остальных) параметры длительности и интенсивности, считая тем самым тон менее достоверным показателем.

На двух заседаниях секции обсуждалась работа над словарями. В первую очередь следует отметить словари финских и эстонских диалектов. Принципы их составления обсуждались совместно и раньше. Теперь же по обе стороны залива

рассматриваются конкретные возможности публикации словарей по частям, идет доработка и окончательное редактирование рукописей. В связи с этим некоторые изменения вносятся в структуру словарных статей и принципы подачи материала. О таких изменениях говорили Яакко Сивула (Хельсинки) и Хелми Нээтар (Таллин). Выяснилось, что за последнее время принципы составления этих больших словарей во многом сблизились.

Словарю финских диалектов был посвящен и доклад его главного редактора Туомо Туоми (Хельсинки). В настоящее время коллекции содержат восемь миллионов карточек. В докладе анализировалось, насколько полно отражают коллекции лексическое богатство и разносторонность финских диалектов и насколько представительны коллекции отдельных диалектов.

О практике составления и связанных с ней проблемах (и ошибках) двуязычных словарей говорили Хелга Лаанпере (Таллин), Вера Оллыкайнен (Петрозаводск) и Ану-Рээт Хаузенберг (Таллин). Лексикографические вопросы этимологического словаря рассмотрел Пауль Кокла (Таллин), сопоставив практику работы над словарями немецкого (Клуге), финского и венгерского языков.

Йоуко Весиканса (Хельсинки) познакомил с теми особенностями словаря современного финского языка (*Nykysuomen perussanakirja*), которые отличают его от «*Nykysuomen sanakirja*». Он отметил, что новый словарь более нормативен и современен по подбору слов, отражает словопотребление урбанизированного общества.

На одном из типов фразеологических сочетаний вепского языка (*laskta voikud* = *voikta* 'плакать') остановилась Мария Зайцева (Петрозаводск). Она считает, что эти словосочетания имеют черты как фразеологизмов, так и свободных словосочетаний.

Хейкки Лескинен (Ювяскюля) посвятил свое выступление долготе гласных в финских юго-восточных диалектах и ижорском языке, более подробно он остановился на одиночном гласном, следующем за кратким главноударным слогом, и т. н. замещении долготы. Тапани Лехтинен (Хельсинки) рассмотрел своеобразие ижорских возвратных глаголов типа *pesissä*. Арво Лаанест (Таллин) проследил

фонологическое развитие ижорских смычных, Нина Зайцева (Петрозаводск) рассказала о морфофонологических чередованиях в вепском языке, Алпо Ряйсянен (Хельсинки) — о соотношении корневого слова и производного.

На одном из послеобеденных заседаний заслушивались доклады по ономастике. Наиболее обширным по охвату материала среди них был доклад Курта Циллиакуса (Хельсинки) о семантике ономастики (*Nimistöntutkimuksen semantiikasta*). Докладчик отметил, что внешне имя собственное не должно обязательно отличаться от апеллятива. Различны их функции. Слово в качестве имени собственного не описывает и не квалифицирует, а лишь называет объект, индивидуализирует его, представляя собой часть системы имен языка. На уровне имени собственного мы можем говорить не о значении, а об отношении с денотатом. Названия, правда, могли возникнуть из описывающих последовательностей, однако наряду с описанием в формировании их сыграли роль и другие моменты, такие как вкус дающего наименование, сложившаяся ситуация, а также модели названий и система имен языка. При исследовании возникновения и формирования названий следует иметь в виду идеи наименований и формы их реализации в языке.

К докладу К. Циллиакуса удачно примыкало рассмотрение Ээро Кивиниemi (Хельсинки) реализации одной идеи наименования в названиях водоемов Финляндии, основой для которых послужила форма береговой линии. В докладе отмечалось и влияние моделей названий на их формирование. Автор считает, что возникновение названий в значительной степени зависит от системы имен языка. Происхождение их нельзя рассматривать вне системы как продукт свободного описания.

С точки зрения исследования субстратной топонимики интересный прием продемонстрировала Ритва-Лийза Питкянен (Хельсинки). Обычным путем она этимологизировала 400 финско-шведских топонимов финского происхождения, на их основе составила соответствия слоговых структур названий и перечни возможностей субституции. С их помощью реконструируются возможные формы исходных вариантов неэтимологизированных названий. Наиболее достоверный вариант опре-

деляется на основе ономастических критериев.

Вальдек Палль (Таллин) говорил о структурных моделях эстонских топонимов и возможностях их использования. Яак Симм (Таллин) дал обстоятельный обзор исследования субстратной топонимики в Советском Союзе. Нина Мамонтова (Петрозаводск) анализировала последовательности, выступающие в функции названия и обозначающие местонахождение, типа *kosken al niitüt* и др. Они встречаются главным образом в восточных прибалтийско-финских языках.

Аули Хакулинен (Турку) рассказала о разрабатываемом в Турку проекте, в рамках которого с помощью электронно-вычислительной техники анализируются синтаксические структуры языка. При этом анализ осуществляется не обычным путем, т. е. когда кодируются просто члены предложения и устанавливается соподчинение отдельных слов. Согласно турецкому проекту, синтаксическая структура предложения кодируется с использованием всех достижений порождающей синтаксиса, известных к началу 1970-х годов, включая трансформации. В связи с этим исходная информация богаче и больше вероятность получения обстоятельных результатов. Через год работа, очевидно, будет завершена.

Март Реммель (Таллин) в докладе «Как приспособить лингвистические алгоритмы к прибалтийско-финскому типу языка?» привел четыре возможности приспособления алгоритмов, которые а) транскрибируют устный текст просодически, б) восстанавливают исходный вид форм корневых чередований слова, в) в тексте выделяют морфемы, г) вновь сводят воедино разобщенные компоненты соединительного глагола.

Юлле Викс (Таллин) более подробно охарактеризовала ту границу в автоматической морфологии эстонского языка, когда с добавлением правил число исключений, приводимых в виде перечня, правда, сокращается, но это сокращение уже не оправдывает себя. В докладе показано, что на этой границе роль фонологических признаков уже не существенна, имеет значение лишь тип корневого изменения (без чередования, качественное чередование, чередование ступеней долготы, иные изменения).

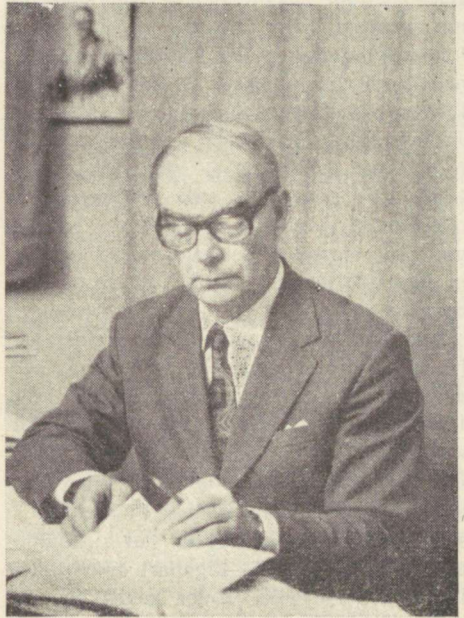
Ристо Хаарала (Хельсинки) познакомил со своим опытом по представлению языкового материала в память электронно-вычислительной машины, между прочим отметив, что удобным источником материала при этом может служить побочный продукт современного книжного набора — перфолента с текстом книги. Ею и пользуются финские ученые.

Раймо Анттила (Хельсинки) привел серию примеров, которые дает лингвисту уже такая простая (и в наше время довольно обычная) комбинация: электронно-вычислительная машина + элементарные алгоритмы классификации и управления.

ВАЛЬДЕК ПАЛЛЬ, МАРТ РЕММЕЛЬ
(Таллин)

Zum Jubiläum Pertti Virtarantas

Erkki Pertti Ilmari oder — wie er sich gewöhnlich selber nennt — Pertti Virtaranta, Professor des Finnischen an der Universität Helsinki, wurde am 20. Mai 1918 in Satakuntas Karkku in Finnland geboren. Also ist Pertti Virtaranta jetzt 60 Jahre alt. Wer ihn aber kennt, will das durchaus nicht wahrhaben, denn er ist noch voll jugendlicher Arbeitsfreude und seine Finger gleiten flink über die Tasten seiner Schreibmaschine. Pertti Virtaranta reifte schon in seinen jungen Jahren zu einem anerkannten Gelehrten heran. Schon 1946 verteidigte er seine Doktordissertation «Länsiyläsatakuntalaisten murteiden äännehistoria. I. Konsonantit» (SKST 230, 396 S.). Die Fortsetzung dieser monumentalen Forschungsarbeit «Länsiyläsatakuntalaisten murteiden äännehistoria. II. Vokaalit» erschien 1957 (SKST 251, 427 S.). Die entsprechenden Dialekte haben eine eigenartige Vergangenheit. Die eingehende Analyse ihrer Lautgeschichte hat in so mancher Hinsicht die alten Beziehungen zwischen den stammverwandten Ostseefinnen geklärt. Schon vor der Verteidigung seiner Doktorarbeit war Pertti Virtaranta als Finnougrist bekannt, denn seine Forschungsarbeiten über die alte finnische Schriftsprache, über die Ortsnamen von Satakunta und über die Wandlung des *s*-Lautes in den Mundarten Südkareliens waren im Druck erschienen. 1959 wurde Pertti Virtaranta zum Professor des Finnischen an der Universität Helsinki gewählt. Vorher war er mehrere Jahre lang in Schweden Lektor des Finnischen an der Universität Lund gewesen. Wenn man von den Ämtern, die Pertti Virtaranta bekleidet hat, spricht, muß

man zumindest erwähnen, daß er Prodekan (1968—1969) und Dekan (1969—1975) der historisch-philologischen Abteilung der Universität gewesen ist, Vorlesungen und Vorträge an mehreren europäischen und amerikanischen Hochschulen gehalten und Sommerkurse und Seminare für Finnischlektoren im Ausland und ausländische Finnougristen an verschiedenen Orten und zu verschiedenen Zeiten organisiert hat. Er war ein aktives Vorstandsmitglied der Finnischen Literaturgesellschaft, der Finnisch-Ugrischen Gesellschaft, der Kalevalaseura; er war Mitglied des Komitees für wissenschaftliche und technische Zusammenarbeit zwischen Finnland und der Sowjet-